

Вечером 21-го числа Е Цзы снова и снова прокручивал в голове план. Из-за чрезмерного нервного возбуждения он не мог сомкнуть глаз всю ночь. 22-го начался сильный снегопад. На улице было так сумрачно, будто уже наступила ночь. Пронизывающий шквальный ветер с воем бил в окна, время от времени доносился треск ломающихся веток. В тот день Е Цзы то и дело подходил к окну, протирал запотевшее стекло и вглядывался наружу, в душе молясь, чтобы снегопад поскорее прекратился. Но снег не только не утихал, а валил всё сильнее, грозя перерасти в настоящую снежную бурю.

После завтрака Кролик, сидя на мягком диване, очистил от кожуры яблоко, нарезал его на мелкие дольки, сложил в прозрачную стеклянную пиалу и поставил перед Е Цзы. Тот послушно наколол кусочек зубочисткой и отправил в рот. Стоило зубам вонзиться в мякоть, раздался звонкий хруст, и рот наполнился сладким соком.

Кролик сделал глоток молока и, склонив голову набок, принялся наблюдать за тем, как Е Цзы ест яблоко. В светлых радужках его глаз мерцали блики. Было совершенно неясно, о чём он думает. Е Цзы на мгновение оцепенел, уставился в глаза Кролику, но тут же отвёл взгляд: сердце бешено колотилось. Хотя подобные сцены повторялись изо дня в день, и он прекрасно знал, что Кролику нравится вот так на него смотреть — ведь для того, казалось, любой его поступок был исполнен забавы, — сегодня всё было иначе... Он до одури боялся, что Кролик разгадает его замысел, заметит хоть малейший признак его намерения.

К счастью, Кролик не стал его донимать. Через несколько минут он взял один из множества поэтических сборников, лежавших на журнальном столике, и принялся его листать.

— Снег такой сильный. Похоже, сегодня на охоту мы не пойдём... — произнёс он.

— Снег прекратится, — возразил Е Цзы.

Глаза Кролика изогнулись в улыбке:

— Тебе так сильно хочется на охоту? В такой холод животные, наверное, даже не высунутся из нор.

— Как только снег прекратится, звери покажутся.

— А на какое животное хочет поохотиться а-Цзы?

— На кролика.

Кролик усмехнулся:

— Вот как... на кролика. А мне тут как раз попалось на глаза стихотворение, оно так и называется — «Кролик». Написала японская поэтесса Тосико Хирата. Я читал его много лет назад, оно и впрямь весьма недурно.

— Ясно.

— А-Цзы неинтересно?

— И о чём же оно?

— О самой обычной охоте. История о том, как лиса охотится на кролика. Держи, прочти.

С этими словами Кролик протянул сборник Е Цзы, сладко зевнул, повернулся и, достав из ящика диск, включил его. Это была религиозная музыка — очень знакомая Е Цзы и горячо им любимая. Мелодия разом заглушила шум непогоды. Кролик включил её впервые. Когда эта дивной красоты музыка достигла слуха Е Цзы, его вдруг охватило непреодолимое желание расплакаться.

Казалось, в эти мгновения сырая, тесная и мрачная комната превратилась в храм. Все

посторонние шумы утонули в музыке, а все горести и леденящие душу ужасы, пережитые за эти месяцы, обратились призрачными тенями сна. Вся тьма раскололась на мириады осколков в лучах божественного света, чтобы воспарить в розовых лучах утренней зари и рассыпаться в прах...

Е Цзы знал, что символизирует эта музыка. Перерождение, надежду и благословение на вечную жизнь. Какая чистая, какая прекрасная мелодия. Е Цзы взглянул на сидящего рядом человека, и ситуация показалась ему до абсурда ироничной. «Е Чэнси, как ты, такой ужасающий человек, смеешь любить столь изысканную музыку?»

Кролик, казалось, совершенно не замечал ненависти Е Цзы.

— Нравится? — тихо спросил он.

Е Цзы не ответил. Кролик, похоже, и не ждал ответа, а лишь негромко произнёс:

— Меня клонит в сон. Можно я полежу у тебя на коленях? — Не дожидаясь ответа, он опустил голову на бёдра Е Цзы и укутался в плед. — Всегда хотел вот так поспать... И правда, очень уютно. — Пушистая макушка Кролика ёрзала на коленях Е Цзы, а сам он улыбался, словно малый ребёнок. Провозившись какое-то время, он, кажется, наконец нашёл идеальное положение. Он лежал на спине, устроив голову на бёдрах Е Цзы. Наконец он закрыл глаза: — А-Цзы, разбуди меня, когда снег прекратится.

Так Кролик и проспал всё утро. Е Цзы под бесконечно повторяющийся мотив и сам провалился в сон. Его мучили тяжёлые, гнетущие сновидения: он безостановочно гнался за каким-то человеком, но всё никак не мог его догнать. Е Цзы испытывал необъяснимую муку, сердце сжималось от невыносимой тупой боли. Он плакал, и разбудил себя собственными всхлипами.

Проснувшись, с невероятным изумлением обнаружил, что его лицо залито слезами. Взглянув на часы, он понял, что уже за полдень. Дыхание Кролика оставалось ровным — он всё ещё спал.

Е Цзы захотелось пить, и он сделал пару глотков воды. Мелькнула мысль проверить, не перестал ли снег, но двигаться совершенно не хотелось. Е Цзы чувствовал себя очень странно. По правде говоря, он и сам уже не мог себя понять. Он ведь так сильно ненавидит Кролика! Но почему, когда Кролик спал, лёжа у него на коленях, в какие-то мгновения Е Цзы вдруг ощущал счастье?!

Он столько раз видел лицо Кролика — и всё же ему и теперь хотелось смотреть на это лицо, впечатать в память каждую чётточку, запомнить тепло его дыхания, запомнить тяжесть его тела, запомнить, как подрагивают его ресницы...

Ещё утром он так надеялся, что снег прекратится... А теперь боялся, что снегопад закончится... Очень боялся... Глубоко внутри, казалось, звучал голос, твердивший ему: «Ошибка! Это ошибка! Остановись! Остановись! Пусть всё замрёт в этом мгновении! Забудь о бессмысленной ненависти, останови всё прямо сейчас, разве так не лучше? Разве так не будет лучше?»

Нет... Всё не так! Е Цзы отстранил от себя Кролика, поднялся на ноги, вцепился пальцами в волосы. Он шагал из угла в угол, дрожащими губами невнятно бормоча что-то себе под нос. «Е Цзы, что с тобой? Ты забыл, что должен сделать сегодня? Ты больше не хочешь свободы? Забыл тех погибших стариков? Забыл, что он сказал? Если так пойдёт дальше, он ведь может убить и тебя, понимаешь? Твоя семья, твоё будущее — тебе всё это больше не нужно? Хочешь навсегда остаться взаперти? Неужели ты так просто сдашься?»

Спустя десять с небольшим минут Е Цзы вновь обрёл самообладание. Он подошёл к окну, приоткрыл створку, выглянул наружу, и уголки его губ медленно поползли вверх. Снегопад прекратился. Выглянуло солнце.

На охоту они отправились уже на закате. Сквозь разрывы в тёмных тучах лился розовый свет.

Мелкие снежинки плавно кружились в мягких лучах. Бледно-золотистое, оранжево-красное сияние постепенно разрасталось, и совсем скоро весь белоснежный мир окрасился в его тона.

Кролик вёл под уздцы чёрную лошадь. Он шёл навстречу Е Цзы, и на его лице играла улыбка. Е Цзы смотрел на приближающегося Кролика, чувствуя лёгкое головокружение. На Кролике был чёрный пуховик, серебристо-серый шарф, белоснежный свитер, светло-серые брюки и высокие светло-серые ботинки. Его кожа была очень бледной, а слегка отросшие волосы в лучах солнца отливали золотом.

Лошадь пару раз фыркнула. Кролик с улыбкой похлопал её по шее, а затем поднял взгляд на Е Цзы:

— А-Цзы, тебе холодно?

Е Цзы покачал головой.

— У тебя от мороза покраснел нос.

Сказав это, он без малейших колебаний снял с себя шарф, подошёл и обмотал его вокруг шеи Е Цзы. В это мгновение Е Цзы вдруг почувствовал сильное потрясение. Казалось бы, он уже давно должен был к этому привыкнуть и очерстветь, но сейчас ему вспомнилось, как Кролик всегда без раздумий отдавал ему всё самое вкусное, как молча перестирывал все его вещи, как готовил еду — и ни разу ни на что не пожаловался.

— Почему ты так на меня смотришь? — с недоумением спросил Кролик.

Е Цзы опустил голову, и его взгляд случайно упал на старое охотничье ружьё за спиной Кролика. Тогда он солгал:

— Я просто ещё не умею пользоваться ружьём.

— Это легко, я тебя научу. — Кролик одним лёгким прыжком вскочил на коня, а затем по-джентльменски протянул руку Е Цзы.

Они вдвоём мчались верхом по заснеженной равнине. Чтобы не упасть, Е Цзы был вынужден крепко обхватить Кролика. Запах, исходивший от тела Кролика, был слишком знакомым — до такой степени, что голова шла кругом, а в глазах щипало от подступивших слёз.

Как минимум раза три он напрочь забывал о своей цели, забывал, где он находится. Раз пять ему хотелось всё бросить, хотелось сказать Кролику: «Давай вернёмся». Раз десять у него и вовсе возникало желание сказать Кролику: «Прости, прости меня». И добрую сотню раз он хотел отбросить всё, крепко прижать к себе этого человека, поцеловать его — поцеловать по-настоящему, как уже давно не делал.

Но когда безо всякого предупреждения грянул выстрел из ружья Кролика, Е Цзы в одно мгновение очнулся от наваждения. К этому моменту лошадь уже остановилась. Е Цзы, словно от испуга, тут же отпустил Кролика. Прошло как минимум полминуты, прежде чем он тихо спросил:

— Попал?

— Сбежал. Давай поохотимся здесь, тут много диких кроликов.

— Хорошо.

Е Цзы спешил и сделал несколько шагов вперёд. И в самом деле, неподалёку под деревом он заметил серого кролика — крупного и упитанного. Кролик протянул Е Цзы ружьё. Но Е Цзы не взял его. Неизвестно почему, но ему было страшно даже прикоснуться к этой вещи.

— Стреляй ты, я не умею, — произнёс он.

— Я тебя научу.

Сказав это, Кролик одной рукой взял ружьё, а другой обхватил ледяные руки Е Цзы, помогая ему правильно держать оружие. Кролик, будучи выше Е Цзы, стоял у него за спиной, и Е Цзы ощущал давящее чувство угрозы. Однако голос Кролика звучал мягко, едва слетев с губ, его слова растворялись в зимнем ветре, неся с собой лёгкое тепло. Он произнёс:

— Для новичков стрелять стоя довольно сложно. Присядь, а-Цзы.

Е Цзы послушно опустился на корточки.

— Чуть-чуть подай левую ногу вперёд. Да, вот так. Теперь положи указательный палец правой руки на спусковой крючок, а вес ружья перенеси на левый локоть. Не раскачивайся. Крепче держись за магазин, а приклад плотно прижми к плечевой впадине... Отлично.

Кролик говорил полушёпотом, на одних придыханиях. С каждым произнесённым словом горячее дыхание оевало ухо Е Цзы, бросая его в жар. После этого Кролик ещё что-то объяснял про отдачу, но Е Цзы совершенно его не слушал. На самом деле, разве мог Е Цзы не уметь стрелять? Выросший в столь необычной семье, он впервые взял в руки оружие ещё во втором классе начальной школы, а к пятому классу его стойка при стрельбе была уже безукоризненной. И пускай он много лет не брался за оружие, мышечная память и ощущение оружия никуда не делись.

Налетел очередной порыв ледяного ветра, и Кролик вдруг скомандовал прямо на ухо Е Цзы:

— Стреляй.

Е Цзы нажал на курок. Отдача у охотничьего ружья оказалась мощной — плечо отозвалось резкой болью. Грохот выстрела был таким оглушительным, что, казалось, вот-вот стяхнёт весь снег с ветвей деревьев.

Кролик побежал вперёд, поднял подстреленного зайца за уши и улыбнулся:

— Мои поздравления, а-Цзы. Ты справился.

Е Цзы посмотрел на него и кивнул, но улыбнуться не смог. Спрятав добычу, Кролик повернулся к Е Цзы:

— Следующий выстрел сделаешь сам.

— Угу.

Сказав это, Кролик пошёл вперёд, повернувшись к Е Цзы спиной. Его силуэт плавно покачивался на фоне заснеженной равнины. С каждым шагом он оставлял в глубоком снегу отчётливые следы. Холодный ветер трепал его волосы, обнажая бледную кожу на затылке. Спустя некоторое время Кролик обернулся и помахал Е Цзы рукой. Очевидно, он выследил новую добычу.

Е Цзы тоже его увидел: абсолютно белого, необычайно красивого зверька. Кролик сидел посреди снежной поляны и что-то жевал, судя по всему, совершенно не подозревая, что к нему приближается охотник. Кролик осторожно, шаг за шагом, начал подкрадываться к белому зверьку.

Е Цзы медленно поднял ружье. Его сердце колотилось так бешено, что к горлу подступила тошнота. словно от резкого упадка сил, перед глазами всё расплывалось. В ушах стоял назойливый, раздражающий звон. Но дуло его ружья было наведено не на белого кролика, сидевшего на снегу. Он целился в высокую фигуру мужчины. В Кролика. Прямо ему в сердце.

Кролик стоял к нему спиной, с улыбкой наблюдая за зверьком. Палец Е Цзы лёг на спусковой крючок, тело начала бить крупная дрожь. В носу и глазах защипало, и, сам того не замечая, он позволил слезам хлынуть из глаз.

Он хотел отказаться от своей затеи, перевести прицел обратно на белого зверька, но вдруг почувствовал давление, словно какая-то невидимая сила принуждала его к действию. Словно убийство Кролика было предрешено свыше, словно это была судьба, которую он не в силах изменить.

Пока Е Цзы терзали мучительные сомнения, Кролик... внезапно обернулся. Просто стоял и смотрел на Е Цзы. На ствол ружья, направленный ему в грудь. Улыбка в одно мгновение исчезла с его лица. Его красивые глаза медленно расширились от шока... «Он увидел... Он всё понял... Что делать? Что же делать?!» Бах!

Е Цзы услышал пронзительный вскрик. Но издал его не Кролик. Казалось, это закричал тот самый белый кролик на снегу... А вернее сказать — это закричал он сам. Этот рвущий душу, отчаянный вопль вырвался из его собственного сердца.

Кролик зажал живот руками. Густая ярко-алая жидкость хлынула из раны, стремительно пропитывая подол белоснежного свитера и светлые брюки. Однако на его лице больше не было ни следа недавнего шока — напротив, оно стало абсолютно безмятежным, словно он уже давно предвидел такой исход. Словно давно возвысился над всем мирским.

— Наконец-то ты выстрелил, а-Цзы... Знаешь, как долго я этого ждал?

В голове Е Цзы было абсолютно пусто, он не понимал, о чём говорит Кролик.

— Каждый день... я думал о том, какой же ты всё-таки милый. Ты ведь так меня ненавидишь, готов хоть сейчас разорвать на куски... но при этом... твоё сердце всё равно дрогнуло, и ты никак не решался... Ха-ха... Знаешь, а ведь такой финал не так уж плох... Если... ты не можешь любить меня... живого, тогда... убей меня... своими руками... Совсем как в том стихотворении... Ты ведь уже читал его, правда?.. То стихотворение... Кх...

Кролика вырвало кровью, но он как ни в чём не бывало утёр губы рукавом. С трудом пятясь назад, он смотрел на Е Цзы ясным, взглядом полуприкрытых глаз, а его перепачканные кровью губы шептали строки стихотворения. Для Е Цзы каждое слово звучало как страшное проклятие:

— «Стань лисой и съешь меня... Найди меня, скачущего по снегу, широко раскрой налитые кровью глаза и гонись за мной».

Договорив, Кролик бросился бежать без оглядки. Чёрную куртку он уже скинул, и сейчас на нём оставался лишь белоснежный шерстяной свитер. В таком виде он и в самом деле походил на кролика. На раненого кролика.

Е Цзы потерял способность соображать, в его голове было абсолютно пусто. Все мысли исчезли. Он не знал, что делать, и действовал, повинуюсь инстинктам: сжимая в руках ружьё, он побежал по кровавому следу.

Кролик двигался куда быстрее, но Е Цзы не спешил, потому что знал: Кролик будет ждать, пока он бросится в погоню. Даже когда Кролик был уже далеко, Е Цзы продолжал слышать прямо над ухом его голос, читающий то стихотворение.

«Я убегаю, чтобы ты преследовал, я то и дело оглядываюсь, чтобы увидеть твой силуэт.

Легко скачу, легко скачу, сердце бешено стучит.

Уши настороже, я преисполнен ликования.

Ты желаешь меня, так яростно, так сосредоточенно гонишься за мной».

Крови на снегу становилось всё больше. Она походила на распускающиеся посреди белизны красные лотосы — один за другим, — пылающие до самого горизонта. Время от времени мелькал спотыкающийся силуэт Кролика. Выбежав из леса, фигурка оказалась на открытом пространстве.

Солнце клонилось к закату, над высокими горами повисла радуга. Какая прекрасная радуга, какой чудесный пейзаж. Периодически Е Цзы кричал, умоляя Кролика остановиться. Он и сам

не понимал, просит об этом, чтобы добить или чтобы спасти, жаждет чего-то или в отчаянии от неизбежного. Стоит ли остановиться? Ещё не поздно повернуть назад? Можно ли начать всё сначала? Неужели он так устал, что больше не видит во всём этом никакого смысла?

Он не замечал, что плачет и смеётся, словно сумасшедший. А голос Кролика всё нашептывал ему на ухо жуткое стихотворение.

«Ни за что не сдавайся.

Пусть содрана кожа на лапах, пусть ты споткнулся о корягу и упал — соберись с силами и продолжай погоню.

Подумай о том, как вкусно моё мясо, вспомни вкус добычи, пойманной спустя три дня голода. Моя плоть необычайно вкусна.

Зимние горы укрыты белым снегом.

Здесь остались только мы вдвоём, и больше никого — до самого конца.

Я всё время ждал этого момента.

Даже зная, что ты никогда не любил меня по-настоящему».

Тональность стиха изменилась. Е Цзы, казалось, был смертельно напуган. Его дыхание стало ещё более прерывистым, голова раскалывалась от невыносимой боли. Отбросив ружьё, он глухо прорычал:

— Замолчи!

Но голос продолжал: «Ты отказался от меня, прямо как они — не замечал меня, не выбирал меня, предал меня».

Хватит...

«Но разве это имеет значение? По крайней мере сейчас есть только ты и я».

Хватит!

«По крайней мере сейчас ты видишь только меня, и я могу фантазировать, что ты любишь меня».

Заткнись!

«Любишь меня, любишь меня, любишь меня, любишь меня».

Заткнись!

«Любишь только меня».

Нет!... Заткнись, да заткнись же ты!

«Любишь только меня».

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! — Е Цзы наконец сорвался. С покрасневшими глазами, заливаясь слезами, он истошно завопил, впадая в истерику. Но резко замолчал, услышав звук выстрела.

В полнейшем шоке он обернулся и вдруг увидел человека, который целился в него из ружья. Этим человеком... оказался Кролик? Как такое возможно? Что происходит? Разве Кролик не ранен? Почему на человеке с ружьём ни царапины? Ни капли крови?

Но времени на раздумья не оставалось. Е Цзы вскочил и, обезумев, бросился вперёд изо всех сил... Багровое солнце наконец скрылось за горами, весь мир окрасился в холодные тона, мороз усилился.

Е Цзы бежал очень быстро, и вскоре преследователь исчез из виду. Едва он начал сомневаться, не был ли тот человек галлюцинацией, как снова заметил на снегу пятна крови. Идя по кровавому следу, он наконец-то нашёл Кролика. Тот лежал, прислонившись к стволу огромного дерева. Его белый свитер был пропитан кровью, лицо стало пугающе бледным. Ресницы и волосы покрылись инеем, отчего он казался мертвецом, брошенным в снегах. Почувствовав, как рука Е Цзы коснулась его щеки, Кролик с трудом приоткрыл глаза и, глядя на него, улыбнулся:

— Наконец-то ты меня поймал... Что ж, остался всего один, последний шаг: убей меня. Тогда моё желание исполнится, а тебе... тебе пора просыпаться. Правда, немного жаль... Ведь всё должно было закончиться только первого февраля... Я так хотел побыть с тобой ещё немного.

В этот миг в сознание Е Цзы хлынуло слишком много эмоций, образов и воспоминаний. Он наконец-то всё понял. Опустив голову, скользнул пальцами по лицу Кролика и вцепился в его плечи. Его была крупная дрожь. Крупные, обжигающе горячие капли скатывались по его щекам, падали в снег и мгновенно превращались в лёд. Кролик посмотрел на него и устало спросил:

— Ты вспомнил, а-Цзы?

От этого вопроса Е Цзы наконец разрыдался в голос, он рыдал так, что был на грани полного нервного срыва. Глаза Кролика покраснели. Сделав над собой усилие, он протянул руки, обнял

Е Цзы и со вздохом произнёс:

— Кажется, ты вспомнил... вспомнил, что всё это... лишь твой сон... Ну вот и всё, мой а-Цзы, пора прощаться.

Сказав это, Кролик начал излучать белое свечение. Е Цзы в ужасе вскинул голову и обнаружил, что тело Кролика становится прозрачным. Он попытался схватить его, обнять, но фигура Кролика стремительно исчезала...

— Ничего страшного, не бойся, — сказал Кролик. — Мы ещё встретимся. Как раньше... Если только ты не против того, что я — лишь иллюзия, начнём сначала... Так что не плачь...

Но Е Цзы уже ничего не слышал. Он мёртвой хваткой вцепился в руки Кролика, словно в спасительную соломинку, и надрывно заголосил:

— Нет! Не надо... Умоляю... Не делай этого... Это моя вина... Моя... Прости, прости-прости-прости! Не оставляй меня... Не бросай... У меня остался только ты... Только ты!..

Его боль была так глубока, словно ему дробили кости, пронзали сердце. В глазах Е Цзы с каждой секундой темнело, он окончательно обезумел. Но что он ни кричал, как ни бился в истерике, ни рыдал — всё было напрасно. Кролик исчез. Вместе с ним исчезла заснеженная земля, лес и бескрайние небеса. Вместе с ним исчезли иллюзорное счастье, иллюзорная боль, иллюзорная жестокость, иллюзорное чувство собственности, иллюзорная любовь.

Наконец-то он пробудился ото сна. А потому весь этот созданный сновидением мир, в конце концов, исчез.

<http://bllate.org/book/14916/1589790>